

Л. Н. Семенова

Белорусский национальный технический университет, Минск

L. Semenova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК (9)(410)329(091)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ФАБИАНСКИХ ИДЕЙ В НАЧАЛЕ XX в.

IMPLEMENTATION OF THE FABIAN IDEAS AT THE BEGINNING OF XX CENTURY

Известная английская социалистическая организация Фабианское общество большое внимание уделяла социализации средств производства и рабочей политике. В силу объективных причин колонизации значительный государственный сектор оказался в Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Более того правящие круги этих стран проводили новаторскую социальную политику. В решении рабочего вопроса важную роль сыграло трудовое арбитражное законодательство, которое разрабатывалось фабианцами. Неслучайно британские доминионы в начале XX в. стали странами, воплотившими в жизнь многие идеи фабианского социализма.

Ключевые слова: фабианский социализм; государственный сектор; рабочий вопрос; трудовой арбитраж; государственное управление.

Well-known English socialist organization the Fabian Society devoted big note to socialization of the production means and the labour policy. On the objective reasons colonization the considerable state sector was in Canada, Australia, New Zealand. Moreover the ruling elites of this countries conducted the experimental social policy. The labour arbitration law, which carried out by the fabians, played an important role in the decision of labour question. So at the beginning of XX century the ideas of the Fabian socialism were implemented namely in the British dominions.

Key words: the Fabian socialism; state sector; labour question; labour arbitration; state government.

Среди различных социалистических организаций, во множестве возникших в конце XIX – начале XX в. практически во всех странах мира, английское Фабианское общество занимает особое место. Оно оказалось на редкость долгоживущим. Учрежденное в 1884 г. в Лондоне, в 2019 г. оно отмечает 135-летний юбилей. В настоящее время общество по-прежнему функционирует, являясь коллективным членом и ведущим аналитическим центром британской Лейбористской партии. Необычайно ярким и насыщенным являлся начальный период его деятельности.

Уже с тех пор Фабианскому обществу была свойственна некая двойственность и тайна. С одной стороны, Фабианское общество, объединяя в своих рядах интеллектуалов, известных писателей, философов, экономистов, политиков позиционировало себя в качестве открытой площадки для обмена мнениями, дискуссий, разработки теоретических позиций. Дом одного из основателей общества Эдуарда Пиза в 1880-е годы был открыт для всех: в него заходили и представители художественной богемы (самым

памятным, как впоследствии отмечали многие фабианцы, оказался приход рыжеволосого и тощего ирландца Бернарда Шоу, жившего буквально напротив), и бунтари-анархисты, и более серьезные молодые люди, даже занимавшие важные посты в государственном аппарате, например, быстро ставший одним из лидеров Сидней Вебб. Удивительное содружество чиновника и исследователя Вебба и писателя Шоу способствовало превращению общества в более дисциплинированную организацию. Безапелляционное заявление одного из первых членов Фрэнка Подмора о том, что «Фабианское общество – организация социалистическая», стало определяющим для ее концептуальной деятельности. Фабианцы действительно многое сделали для развития правой социалистической теории, программных требований и политической практики Лейбористской партии, неоднократно приходившей к власти в Великобритании в XX в.

С другой стороны, гораздо менее известно реальное влияние общества на политиков и их управленческую деятельность в той же Англии и в других странах мира. Между тем идеи фабианского социализма работали, находя реальное воплощение в политической практике. В этом смысле показательны название и эмблема Фабианского общества. Считая, что капитализм будет эволюционно, медленно преобразовываться в социализм через постепенное введение соответствующих институтов, свое общество фабианцы назвали в честь древнеримского полководца Фабия Максима Кунктатора (Медлительного). Его стратегия в Пунической войне с превосходящей армией карфагенского полководца Ганнибала заключалась в уходе от решающих крупных битв, в изматывании и истощении противника в большей степени методами партизанской войны. Неслучайно в качестве эмблемы общества сначала была выбрана медлительная черепаха. Однако затем эмблемой стал волк в овечьей шкуре. Это очень показательно. Привязанная к волку овечья шкура должна была символизировать эволюционность, постепенность, умеренность и даже кротость социалистических преобразований. А вот решительный волк олицетворял четкую политику правящей верхушки надо полагать не только и не столько Великобритании, к тому времени утратившей свою промышленную монополию, но и всей мировой капиталистической системы. И эта политика должна была по мысли фабианцев вести страны и народы именно к социализму.

Убежденность фабианцев в социалистическом векторе развития вытекала из их анализа сущности современных им капиталистических социально-экономических процессов. Многочисленные сбои в функционировании экономических механизмов (кризисы перепроизводства, длительная депрессия с 1870-х гг.), обострение социальных противоречий, радикализация рабочего движения свидетельствовали о недостатках капиталистической модели, основанной на частной собственности, свободе конкуренции, борьбе индивидов, классов и социальных групп. Уловив наметившуюся тенденцию к монополизации экономики и неизбежное усиление роли государства,

всегда выступавшего в качестве надежного помощника и защитника капитала, фабианцы сделали вывод о начавшейся тенденции трансформации капиталистической системы в направлении социализма. Политики-фабианцы должны были лишь умело помогать своим странам двигаться в этом направлении, в том числе и используя фабианские наработки.

Среди многочисленных программных требований фабианцев отметим социализацию средств производства и рабочую политику, направленную на гармонизацию отношений между трудом и капиталом. В начале XX в. эти требования осуществлялись отнюдь не в Великобритании, а в первую очередь в британских доминионах, снискавших славу «полигонов социального экспериментаторства». Цель данной статьи заключается не в представлении этих реформ, (им посвящена многочисленная литература [1]), а в выявлении фабианского влияния на их авторов. Политическая и государственная реформаторская деятельность часто рассматривается как исключительно внутренний процесс, как следствие или реакция на предшествующие события, учитывается влияние образования и управленческой культуры лиц, принимающих решения. Однако, надо принимать во внимание большее число воздействующих факторов, в том числе и различных организаций, связывающих в единую управленческую систему мировой капитализм, по терминологии А. И. Фурсова наднациональных структур мирового соглашения и управления или конспироструктур. Фабианское общество несомненно является одной из таких структур, «волк в овечьей шкуре».

В силу объективных причин освоения и колонизации огромных пространств вдали от Европы британские доминионы Канада, Австралия, Новая Зеландия имели значительный государственный сектор (земельный фонд, транспортную инфраструктуру, промышленные предприятия) и традицию активного государственного управления, что создавало о них впечатление как о социалистических странах. Канадский историк А. Лауэр считал, что «Доминион Канада представлял собой плановое общество. В нем никогда не было негативного государства типа *laisser-faire*, основанного на индивидуалистических доктринах, его государство с самого начала было позитивным, полусоциалистическим» [2, р. 379]. Еще в большей степени это характерно для Австралии и Новой Зеландии. Вообще три доминиона представляли собой разные примеры присутствия государственного социализма: в Канаде оно было наименьшим, в Австралии – средним, в Новой Зеландии – максимальным. Объясняя оправданность государственного социализма применительно к Австралии, «отец австралийской историографии» У. К. Хэнкок отмечал: «Государственная собственность и управление экономическими ресурсами может быть предпочтительнее частной собственности и управления по двум причинам: во-первых, государство, будучи более сильным, чем отдельный человек или группа, может эксплуатировать и управлять этими ресурсами более эффективно; во-вторых, от государства, которое является инструментом независимых индивидов, можно ожидать, что оно

будет направлять свою власть на общественное благосостояние, тогда как человек или корпорация, располагая такой же властью, скорее направят ее на собственные цели, не соответствующие общественным» [3, 72–73]. Это в полной мере соответствовало фабианским воззрениям, в частности идее социализации, состоящей из трех взаимосвязанных элементов: налогового обложения, национализации или муниципализации и конкуренции общественного и частного секторов. Только этот государственный социализм был осуществлен гораздо раньше, чем возникло Фабианское общество, самостоятельно, без влияния его идей. Напротив, фабианцы изучали этот опыт для подтверждения своих идей. Так Сидней и Беатриса Вебб, ставшие теоретиками фабианского социализма, высоко оценивали достижения Новой Зеландии, признанной ими бесспорной страной государственного социализма. Остроумный драматург Джордж Бернард Шоу после посещения Новой Зеландии в 1934 г. вообще назвал ее «коммунистической» [4, с. 158].

Если в Европе XIX в., страдающей от страшной бедности низов, тяжелых условий труда, низкой оплаты, безработицы, углубляющегося разрыва между богатыми и бедными доминионы рассматривались в качестве важнейшего средства решения социального вопроса за счет переезда в них «лишней» бедноты, то с расширением индустриализации в самих доминионах обострение социальных противоречий между трудом и капиталом стало реальностью и для них. И вот тут Фабианское общество уже не столько констатировало факты, сколько само продуцировало идеи для разрешения социального вопроса. И эти идеи проводили в жизнь убежденные фабианцы. Они обратили внимание на возможности государства не только в экономической, но и в социально-правовой сфере. На основе соответствующего законодательства по их мнению можно гармонизировать взаимоотношения между трудом и капиталом.

До середины XIX в. в первых индустриальных странах трудовые отношения были жесткими, силовыми, периодически выливающимися в напряженные классовые битвы. Судьба рабочих зависела исключительно от предпринимателей, власть которых была подкреплена силой государства. Это был расцвет патерналистской индустриальной культуры, в которой предприниматель выступал в роли и злого и доброго отца (*pater*). Но уже тогда стало расширяться правовое поле трудовых отношений. Государства начали принимать фабричное законодательство, ставящее пределы в условиях труда, за которыми притеснения предпринимателей преследовались по закону. Со второй половины XIX в. последовало законодательство о юридическом признании профсоюзов – организаций, защищающих рабочих на рынке труда. И наконец, в ряде стран стал появляться третий вид трудового законодательства, создававший механизмы регулирования конфликтных ситуаций и тем самым вводивший сам процесс трудовых отношений в регулируемое русло. Это было трудовое арбитражное законодательство, существенно изменившее патерналистскую модель индустриальной культуры

в сторону коллективно-договорной модели. Законодательство основывалось на двух, известных со времен античности, принципах: примирения и арбитража. Примирение – это переговоры двух сторон с участием или без участия третьей, направленные на достижение взаимоприемлемого решения, обязательного для выполнения только при обоюдном согласии. Арбитраж – это разновидность судебного разбирательства с обязательным участием третьей стороны (арбитра) при обязательности для выполнения вынесенных решений. В странах континентальной Европы трудовое арбитражное законодательство в рамках системы французского писаного права рассматривалось частью гражданского права. При этом к трудовым конфликтам применяли нормы более жесткого уголовного права. Поэтому в начале XX в. влияние предписывающего трудового арбитражного законодательства на общий климат индустриальной культуры в этих странах оказалось незначительным.

Принципиально иная ситуация сложилась в Англии и британских доминионах, где действовала английская юридическая традиция обычного права (common law), вводящая в закон любой прецедент. Поэтому там, благодаря деятельности ряда энтузиастов, например, таких как британский фабрикант Э. Д. Манделла, судья Р. Кеттли и их последователей, активно распространялась практика урегулирования трудовых конфликтов на основе различных комитетов, комиссий. Принимаемое законодательство становилось юридическим оформлением сложившейся практики. Как правило, оно основывалось на принципе добровольного примирения.

И вот тут за дело взялись фабианцы. Они задумались о более широком и сильном вмешательстве государства на основе социализма. И довели законодательство до принудительного арбитража. В Канаде это произошло благодаря деятельности фабианца Уильяма Лайона Макензи Кинга (1874–1950). С 1920-х гг. будучи лидером Либеральной партии Канады он в общей сложности 22 года находился на посту премьер-министра страны, что составляет абсолютный рекорд среди всех премьер-министров Британского Содружества. Начало же его политической и государственной карьеры было связано с рабочим вопросом.

У. Л. Макензи Кинг получил разностороннее гуманитарное образование в Торонтском, Чикагском, Гарвардском университетах, Лондонской школе экономики и политических наук, созданной при участии Фабианского общества. Во время своего европейского турне и учебы в Лондоне в 1899–1900 гг. Макензи Кинг много общался с социалистами. Но его теоретический и практический интерес к государственной реформаторской деятельности в наибольшей степени удовлетворили фабианцы. Возможно и фабианцы заприметили подающего надежды молодого человека из Канады – внука руководителя национально-освободительного восстания 1837 г. Уильяма Лайона Макензи. Кинг многократно общался с Сиднеем и Беатрисой Вебб и их соратниками, активно посещал заседания общества, выступил с

докладами на темы: «Какова главная черта рабочей проблемы?», «Некоторые современные индустриальные волнения» [5, p. 42].

Летом 1900 г. Макензи Кинг, размышляя о научной карьере в Гарварде и государственной службе в Оттаве, выбрал родную Канаду. Летом 1900 г. либеральное правительство Канады провело через парламент «Закон, способствующий предотвращению и разрешению трудовых конфликтов и обеспечивающий публикацию статистической информации о промышленности», известный как Закон о примирении 1900 г. Уильяму Макензи Кингу предложили должность редактора учрежденного на основании этого закона официального издания «Лейбор газетт». Также новоиспеченный министр труда пообещал ему «исключительные возможности в социальной работе, которые только может позволить себе новое министерство» и предложил ему дополнительный пост заместителя министра труда [5, p. 45].

Макензи Кинг с головой ушел в посредническую деятельность, умело разрешая трудовые конфликты на основании закона 1900 г., закрепившего принцип добровольного примирения. Он отмечал: «Механизм – ничто, личность – всё», без ложной скромности высоко оценивая свои способности примирителя. Но вскоре он уже разработал законопроект, введший принцип принудительности арбитража для работников железнодорожного транспорта, ставший законом в 1903 г. Закон применили всего 4 раза. В 1907 г. был принят более радикальный «Закон о помощи в предотвращении и разрешении локаутов на шахтах и в отраслях, связанных с коммунальными услугами», известный впоследствии как «Закон о расследовании трудовых конфликтов» (ИДИА), написанный Макензи Кингом за рождественские праздники, как он сам подчеркивал, на основании законодательства других стран, прежде всего Новой Зеландии. В законе принцип принудительного арбитража был распространен на перечисленные в названии отрасли. Данный закон просуществовал вплоть до 1948 г., а заложенный в нем принцип принудительного арбитража находился в действии вплоть до 1990-х гг. В кратких официальных биографиях Кинга, в которых указываются лишь самые основные сведения о жизни и работе, в рубрике «Политические достижения» у человека, 22 года проработавшего премьер-министром, в том числе и во время Второй мировой войны, как правило стоит единственная лаконичная запись «ИДИА 1907 г.» [5, p. 71].

Однако, репутацию главного экспериментатора в сфере принудительного трудового арбитража снискал министр образования, юстиции и труда Новой Зеландии Уильям Пембер Ривс (1857–1932). Он был одним из четырех министров в кабинете министров Ричарда Джона Седдона, прославившегося в качестве «правительства экспериментаторов», принявшего на протяжении 1893–1912 гг. множество новаторских, социалистических по духу законов. С 1880-х гг. получив гуманитарное образование в школах и колледжах Новой Зеландии и в английском Оксфорде, Ривс заинтересовался социализмом и стал активным членом Фабианского общества. На протяжении всей жизни он поддерживал теплые дружеские отношения с супругами

Веббами, Дж.Б. Шоу. В честь общества он даже назвал своего единственно-го сына Фабианом. Шоу отзывался о нем так: «Ривс – это наш специальный уполномоченный в Новой Зеландии, яркий светоч фабианского учения, прививший в той дальней стороне нашу разновидность социализма» [1, с. 121].

В 1894 г. благодаря стараниям Ривса был принят Закон об индустриальном примирении и арбитраже, который приобрел широкую известность в промышленно развитых странах Европы и Америки и особенно в британских доминионах. В соответствии с законом в небольшой Новой Зеландии, пока еще «овцеводческой ферме» Великобритании с незначительной промышленностью, была создана государственная арбитражная система, ставшая вполне работающим механизмом регулирования трудовых конфликтов. Ускорился процесс образования тред-юнионов, заключения коллективных договоров. В период экономического роста в начале XX в. страна могла похвастаться стабильным индустриальным миром. С легкой руки американского писателя и общественного деятеля Генри Демареста Ллойда, участника движения «разгребателей грязи», написавшего книгу с красноречивым названием «Страна без забастовок. Визит в арбитражный суд Новой Зеландии», Новую Зеландию и стали так называть «страна без забастовок». В общей сложности закон действовал в Новой Зеландии более ста лет. А в начале XX в. он стал модельным для многих других стран.

Благодаря новозеландцу Уильяму Пемберу Ривсу, канадцу Уильяму Лайону Макензи Кингу и многим другим идеи фабианского социализма не просто распространялись по миру, но и воплощались в жизнь. Важно, что одной из первых была идея достижения индустриального мира между трудом и капиталом. Фабианцы смогли найти для достижения этой идеи эффективный механизм. Такой интеллектуально-теоретический и практический уклон, обеспечение поддержки со стороны финансовой олигархии вывели Фабианское общество из рядовых многочисленных организаций гражданского общества Великобритании на более высокий уровень наднациональных структур мирового согласования и управления. Интересно, что работая над установлением мирового управления, эти структуры в начале XX в. обращались отнюдь не к капиталистической, а к социалистической идеологии, о чем убедительно свидетельствует влияние Фабианского социализма.

Список использованных источников

1. Семенова, Л. Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX–XX вв. / Л. Н. Семенова. – Минск: Экоперспектива, 2007. – 220 с.
2. Lower, A. R. M. Colony to Nation. A History of Canada / A. R.M. Lower. – Toronto: Longmans, Green and Company, 1964. – 576 p.
3. Hancock, W. K. Australia / W. K. Hancock. – L.: McMillan and Co Ltd, 1930. – 420 p.
4. Маевский, В. Первый или пятый: Записки журналиста / В. Маевский. – М.: Изд-во ин. лит., 1960. – 284 с.
5. Ferns, F. The Age of Mackenzie King: The Rise of a Leader / F. Ferns, B. Ostry. – L.: Methuen and Co Ltd, 1955. – 356 p.

(Дата подачи: 18.02.2019 г.)